

ТАЛАССОЦЕНТРИРОВАННОСТЬ ПРИМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: СЕЛИТЕБНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2023 г. А.Г. Дружинин^{1, 2, 3}¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия² Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия³ Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: alexdru9@mail.ru

В XXI столетии освоение ресурсного потенциала Мирового океана выступает одним из базовых условий социально-экономического развития. Данная проблематика актуальна и для современной России. Она определяет фокусировку общественно-географических исследований непосредственно на приморских территориях. Статья посвящена концептуализации, параметризации и типологизации феномена «смещения к морю» базовых компонентов пространственной структуры (селитебной и хозяйственной) приморских регионов, определяемому как «талассоцентрированность». Раскрыты причины, проявления и следствия талассоцентрированности полимасштабных территориальных социально-экономических систем, показано место данной категории в понятийно-категориальном аппарате «морской ветви» общественной географии. С опорой на демографическую и экономическую статистику по 155 российским муниципальным образованиям, имеющим непосредственный выход к морю, предложена многокритериальная оценка степени и динамики за 2010–2021 гг. талассоцентрированности приморских субъектов Российской Федерации. Установлено, что из 26 приморских регионов страны в шести субъектах Федерации (Хабаровский край, Республики Калмыкия, Карелия, Саха (Якутия), а также «новые» – Донецкая Народная Республика и Запорожская область) эффекты талассоцентрированности проявляются на местном уровне, замыкаясь в контуре приморских муниципалитетов. Ещё в двух регионах (Ямало-Ненецкий АО и Красноярский край) по мере роста морехозяйственной активности они распространяются на обширную арктическую периферию. Остальные 18 приморских регионов классифицированы как талассоцентрированные.

Ключевые слова: талассоцентрированность, приморские муниципалитеты, приморские регионы, расселение, локализация экономики, Россия.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-2

Введение и постановка проблемы. Ныне действующая, утверждённая в июле 2022 г. «Морская доктрина Российской Федерации»¹, декларирует всё возрастающую значимость Мирового океана для страны, прочерчивает конкретные (адаптированные к условиям резко возросшей геополитической турбулентности) направления государственной политики по дальнейшему освоению его ресурсного потенциала, фактически впервые для аналогичных документов чётко концентрирует внимание на *приморских территориях* и проблематике их социально-экономического развития. Подобного рода «*территориализация*» национальной морской повестки выглядит не только логичной, своевременной и конструктивной, но и полностью созвучной методологическим установкам географического анализа,

его подходам и принципам применительно к изучению акваториальных структур и процессов (уже шесть десятилетий продуктивно культивируемым в СССР – Российской Федерации [11; 20]).

Ещё в 1960-е гг. Ю.Г. Саушкин, постулируя «земноводность» экономической географии, подчёркивал, что «освоение Мирового океана идёт со стороны его побережий» [21, с. 214]. Глубоко укоренённые в современном региональном социально-экономическом дискурсе представления о «*приморскости*» как специфическом свойстве территории и её ситуационной позиции, относимым, в том числе, к отдельным поселениям [14], муниципалитетам [10; 18], регионам [2; 16], зонам [5; 7; 8], являют собой, по существу, не только практическую имплементацию данной методологической установки, но и неотъемлемую

¹ Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» [Электр. ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/405077499/> (дата обращения: 30.07.2023).

составляющую стержневой для географического знания идеи «пространственности» как особого типа упорядоченности мира [13].

Став маркером и ключевым терминологическим атрибутом «морской ветви» современного российского общественно-географического анализа (в англоязычной географии столь же широко применимо понятие «coastal»), «приморскость», тем не менее, в целом концентрирует внимание преимущественно на формальном, причём практически физико-географически обусловленном (морское побережье, факт выхода к нему) аспекте для той или иной территории. Данная характеристика, предельно обобщённая и лишённая конкретики, не позволяет адекватно отобразить присущую приморским зонам (максимально выраженную именно в России) фактическую множественность региональных и локальных условий, форматов и трендов социально-экономической динамики, т.е. профессионально фиксировать различия «от места к месту», как учил Н.Н. Баранский [3].

Любого рода морехозяйственные практики, равно как и существенная для Человечества военная деятельность в пределах Мирового океана, проецируется на связанные с ними территории, конструирует и корректирует их характеристики, в том числе связанные непосредственно с пространственной структурой. Последняя обретает в зависимости от степени влияния «фактора моря» характерное «смещение» (в расселении, экономике, инфраструктуре) *в пользу наиболее приближенных к акватории участков суши*. Это явление, ранее обозначенное нами применительно к некоторым приморским регионам России как «талассоцентрированность» [23; 24; 28], его сущностные стороны, равно как и оценка степени, выявление типологических особенностей талассоцентрированности всей совокупности приморских субъектов Российской Федерации – составляют предметную область и целевой ориентир данной статьи.

Обзор ранее выполненных исследований. В современной общественно-географической литературе, как зарубежной, так и российской, а также в смежных работах по социально-экономической регионалистике, проблематика приморских территорий (регионов) представлена достаточно широко.

Наиболее существенное внимание в ней уделяется именно местным кейсам, раскрывающим сходство и/или различия ситуации на различных участках морских (океанических) побережий [37; 39]. Соответствующие исследования полимасштабны; повсюду присутствует в них и «низовой» (локальный) компонент, представленный муниципалитетами [27; 31; 32]. Наряду с этим, уже многие десятилетия (в нашей стране – начиная с пионерных работ В.В. Покшишевского [19], а следом и В.А. Дергачёва [7]) активно обсуждается и верифицируется идея особой, изначально сопоставимо повышенной привлекательности приморских территорий для производства и расселения [33; 36; 38] (это явление обозначается и как «талассоаттрактивность» [9]). С опорой на неё реализованы многочисленные попытки оценить «вес» приморских территорий в экономическом и демографическом потенциале соответствующих стран и целых макрорегионов планеты – например, РФ [26] и Европейского Союза [30; 34]. Симптоматичной и методически интересной видятся в этой связи и предпринятые (в частности, для Мексики [36]) попытки предложить некий «индекс ориентации на побережье» («coastal orientation index»). Значимы с позиций излагаемой в статье тематики и усилия осуществить социально-экономическую компаративистику самих приморских территорий, вычленить их группировки, обосновать типологизацию. Применительно к субъектам Российской Федерации наиболее системно эта задача решена в [25: 26].

Подмечая имеющие место пространственные различия, Г.М. Федоров и В.С. Корнеев, в частности, констатируют, что «не во всех приморских регионах хорошо развиты виды экономической деятельности, связанные с наличием морского побережья» [25, с. 27]. Понимание и исследовательская фиксация неравнозначности влияния «фактора моря» не только на всю национальную юрисдикцию, но и на собственно приморские территории, создаёт мотивацию для их последующей группировки с учётом не только «присутствия» тех или иных компонент морехозяйственного комплекса (определим этот аспект регионального развития как «*мореориентированность*»), но и общего баланса в конкретном регионе «морских» и «внутриконтинентальных» свойств

и характеристик, в свою очередь воздействующих на компоненты пространства, порождающих специфику его архитектуры. Этот смещённый в пользу морских побережий многоаспектный баланс параметров социально-экономического развития территории уместно, полагаем, очертить именно категорией *талассоцентрированность*.

Материалы и методика исследований.

В своей общественно-географической интерпретации талассоцентрированность – это неизменно пропорция, позиционная, собственно пространственная ситуационная характеристика (по принципу её фиксации «здесь и сейчас»), чья практическая оценка предполагает «игру масштабом» (анализ места и роли конкретного территориального образования во вмещающем её более крупном таксоне) и межтерриториальную компаративистику по ключевым параметрам и признакам.

Будучи «сдвоенным» термином-конструктом, «талассоцентрированность» воплощает ситуацию, когда именно морские побережья обретают некую социально-экономическую «центральность», а архитектура пространства демонстрирует структурную асимметрию «в пользу» примыкающих к акваториям участков суши. Методологически исследовательский подход, ориентирующий на учёт «центральности» моря, морских побережий, отчасти созвучен былым идеям центрографии (столетие назад активно продвигаемым в нашей стране и имевшим целью количественно оценить, замерить «пространственные соотношения в экономических системах» [22]), в чём-то выступает особым приложением центро-периферийного анализа, укоренившегося в отечественной общественной географии с начала 1990-х гг. [6] Выявление талассоцентрированности во-многом аналогично учёту талассоаттрактивности, причём и в том, и в другом случае внимание обращается на «притягательность» морских побережий для населения, поселений, хозяйства с той лишь разницей, что талассоаттрактивность межтерриториальна. Это в существенной мере широкий по своему охвату пространственный процесс, а талассоцентрированность являет воплощённый в структуре пространства *итог последнего* (и, параллельно, во-многом, его *исходную структуру*

предпосылку) для каждой конкретной территориальной социально-экономической системы (пусть даже предельно «большой»), её *специфическую характеристику*. В последнем своём доминантном качестве талассоцентрированность соотносима с мореориентированностью страны, региона, муниципального образования, т.е., практически, с особенностями локализации и динамики наиболее значимых, развитых, профильных компонент морехозяйственного комплекса, впрочем, не исчерпываясь ими, не буду им полностью тождественной.

Методика презентуемого далее исследования объединяет, в этой связи:

- 1) Идентификацию приморских муниципалитетов. Учитывая агломерационные процессы и продолжающееся «расползание» приморских урбанистических центров, к числу последних отнесены лишь городские округа и муниципальные районы, имеющие выход с морскому побережью, либо к устью крупной судоходной реки, либо к лиману, соединённому с морской акваторией. Всего в рассмотренном 21 субъекте РФ их 155 (в Российской Федерации сейчас 26 регионов, являющихся приморскими). В межрегиональных сопоставлениях Санкт-Петербург и Севастополь однозначно талассоцентрированы. Анализ по новым российским территориям, включающим 17 непосредственно соседствующих с морской акваторией муниципальных образований, из-за хронологических рамок исследования, ограниченных 2010–2021 гг., и сложностей со статистикой, не проводился.
- 2) Оценку их позиций в селитебной (по учитываемой всероссийскими переписями численности населения, а также значимой для центро-периферийной диагностики локализации региональной столицы) и хозяйственной структуре соответствующего региона (в качестве ключевого избран представляемый Росстатом показатель «налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей», позволяющий наиболее полно высветить фактическую продуктивную экономическую активность, дополненную учётом

«веса» последнего в общей морехозяйственной системе страны);

- 3) Вычленение групп приморских регионов по степени их талассоцентрированности с последующей типологизацией.

Полученные результаты. Современная Россия своими важнейшими экономическими специализациями нацелена на внешние рынки, поэтому неизбежно мореориентированная, испытывавшая с конца 1990-х гг. выраженные эффекты «сдвига к морю» демографического и производственного потенциала [29], но при этом в силу природных, исторических и ресурсно-хозяйственных обстоятельств в своей целостности *не являющаяся талассоцентрированной*. Ранее мы уже иллюстрировали этот тезис географической удалённостью основной массы региональных «столиц» от морских побережий: лишь 35 из них расположены на удалении не более 500 км от побережья; только 14 можно рассматривать как собственно приморские [28]. Убедительная аргументация сохраняющейся преимущественной российской «континентальности» дана Л.А. Безруковым, в том числе в одной из недавних его работ [4]. Тем не менее, «приморско-морская» составляющая Российской Федерации сама по себе весьма масштабна и демонстрирует в своей конкретике, особенно на низовых таксономических уровнях, *множественные проявления талассоцентрированности*.

Непосредственно на приморские муниципальные образования приходится 4,3 млн км² территории (т.е. четверть страны) и более 11,6 млн чел. населения (вместе с Санкт-Петербургом и Севастополем это порядка 12% демографического потенциала России). Именно это пространство не только в наибольшей мере «мореориентировано», вмещающая и обеспечивая диверсифицированную активность Российской Федерации в Мировом океане, но и талассоцентрировано, во-многом благодаря сложившейся сети городских приморских поселений. Наиболее наглядно это проявляется в Арктике, а также на российских побережьях Тихого океана с присущим им «очаговым» и неизменно приморским характером хозяйственного и селитебного освоения. Однако

и в пределах других опоясывающих страну морских бассейнов, где процесс освоения шёл иначе, преимущественно «с суши», а природно-хозяйственные возможности для более «равномерного» заселения, без ощутимой его концентрации у морского побережья, несоизмеримо выше, приморские муниципальные образования представляют собой субпространства с достаточно чётким «смещением» сети селитебных центров к морской акватории. Например, в Выборгском муниципальном районе Ленинградской области непосредственно на побережье проживает около 50% всего населения, в Ейском районе Краснодарского края – до 80% и т.д.

Ещё более весома роль приморских регионов – субъектов Федерации) в масштабе территории страны – 60,3%; в населении она порядка 26%. Причём само соотношение этих долей хорошо отражает общую относительную слабозаселённость, периферийность российский приморских территорий. Но при переходе на муниципальный уровень, когда рассматривается не вся Россия, а только непосредственно сами приморские субъекты Федерации, их «приморская» часть составляет лишь 40% территории с 39% населения, что также свидетельствует о фактическом отсутствии однозначно выраженной талассоцентрированности даже в типологической группировке российских регионов, непосредственно оконтуренных морскими акваториями.

Оценивая и сопоставляя степень талассоцентрированности приморских регионов России по балансу их приморских и «внутриконтинентальных» муниципалитетов (табл. 1), несложно убедиться в наличии существенной вариации абсолютно по всем ключевым показателям. В двух субъектах – Ненецком АО и Чукотском АО – выход к морю вообще имеют все без исключения муниципальные образования. Поэтому их талассоцентрированность абсолютна (и, в этой связи, парадоксальным образом лишена своего проявления), а сама потребность в её «замере» возникает лишь на «низовом», внутримunicipальном уровне исследований. Например, в Анадырском муниципальном районе Чукотского АО в приморских посёлках проживает 62% населения, а в целом по автономному округу аналогичный показатель достигает 69%.

Таблица 1. Доля собственно приморских муниципалитетов в ключевых параметрах приморских регионов России (для оценки степени «талассоцентрированности»), %

Регионы	% территории региона	% числа муниципальных образований	% численности населения*		% экономической активности**	
			2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Архангельская область	13,5	20,0	50,5	53,6	64,3	70,4
Астраханская область	33,6	41,7	69,0	67,2	78,5	73,6
Калининградская область	47,0	54,5	71,1	75,7	87,2	86,4
Камчатский край	56,4	85,7	89,3	88,0	92,9	97,5
Краснодарский край	17,0	24,4	30,0	31,5	31,1	32,6
Красноярский край	37,6	1,7	1,2	1,1	2,3	3,2
Ленинградская область	14,7	22,2	23,8	21,3	17,4	28,9
Магаданская область	51,7	44,4	77,0	81,6	79,1	77,8
Мурманская область	86,1	57,1	70,2	71,0	57,0	76,8
Ненецкий АО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Приморский край	32,7	33,3	55,7	57,8	64,4	70,8
Республика Дагестан	50,6	21,2	46,5	46,2	58,4	61,0
Республика Калмыкия	5,6	7,1	6,9	6,9	4,9	4,0
Республика Карелия	25,2	16,7	8,0	6,8	8,6	6,3
Республика Крым	73,0	84,0	72,1***	72,1	48,8***	56,7
Республика Саха (Якутия)	19,3	13,9	2,6	2,5	2,9	2,5
Ростовская область	5,4	9,0	37,6	39,6	59,3	57,9
Сахалинская область	86,5	94,4	96,2	96,9	98,2	98,5
Хабаровский край	66,7	36,8	10,8	9,4	11,3	10,1
Чукотский АО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Ямало-Ненецкий АО	59,6	35,7	30,1	31,1	37,1	39,7

Составлено автором.

* По данным Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

** Данные Росстата о налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей (не включают данные по ЗАТО).

*** Данные за 2014 г.

Ещё в пяти регионах приморские муниципалитеты численно преобладают, причём в Мурманской области, Камчатском крае, Сахалинской области и Республике Крым доминируя и по общей суммарной площади своей территории. При этом среднее значение последнего показателя по муниципальным образованиям растёт по профилю «юг – север» и «центр – периферия», предопределяя относительно больший вес «приморского» (по площади занимаемой территории) в регионах с выраженной природной зональностью (особенно в Красноярском крае и Республике Саха), а также в субъектах, чьи важнейшие очаги социально-экономической активности приурочены именно к морскому побережью. Характерно, что численная доминанта приморских муниципалитетов во всех случаях означает и демографическое, и экономическое лидерство непосредственно приморских территорий, что присуще Мурманской области, Камчатскому краю, Республике Крым и др. Иная ситуация, когда немногочисленные

приморские муниципальные образования концентрируют подавляющую часть населения и его хозяйственной активности, наблюдается в Приморском крае, Архангельской и Магаданской областях, иллюстрируя инвариантность талассоцентрированности – её возможность быть *тотально-повсеместной* (все муниципалитеты), *рассредоточенной* (опоясывающей побережья, что присуще регионам островного-полуостровного типа) и *сосредоточенной* (обеспечиваемой немногими муниципальными образованиями с административно-столичными функциями, а также специализацией в виде коммуникационно-логистических узлов).

Самостоятельной типологизации заслуживает и общая степень «смещённости к морю» демографо-экономического потенциала региона (в дробном контуре составляющих его муниципальных образований), дополняемая учётом значимых для талассоцентрированности факторов-индикаторов (табл. 2).

Таблица 2. Типологизация приморских регионов России по степени и особенностям их «талассоцентрированности»

Регионы	Отношение доли приморских муниципалитетов в населении к их доле в территории, раз	Наличие в составе приморских муниципалитетов региональной столицы	Доля приморских муниципалитетов растёт (+) / сокращается (-), без изменений (б/и), неприменимо (н/п)		Наличие у приморских муниципалитетов значимой морской специализации на федеральном уровне
			в населении	в экономике	
Отсутствие «неприморских» муниципальных образований					
Ненецкий АО	1,0	да	н/п	н/п	нет
Чукотский АО	1,0	да	н/п	н/п	нет
Выраженная талассоцентрированность					
Астраханская область	2,0	да	–	–	да
Архангельская область	3,97	да	+	+	да
Калининградская область	1,6	да	+	–	да
Камчатский край	1,56	да	–	+	да
Магаданская область	1,58	да	+	–	нет
Мурманская область	0,82	да	+	+	да
Приморский край	1,77	да	+	+	да
Сахалинская область	1,12	да	+	+	да
Талассоцентрированность в едином контуре приморской агломерации					
Ленинградская область	1,45	да	–	+	да
Ростовская область	7,33	да	+	–	да
Сочетание талассоцентрированности с доминантой региональной столицы, формально не относящейся к приморским муниципалитетам					
Республика Крым	0,98	нет	б/и	+	да
Талассоцентрированность региона с выраженными «неморскими» пространственными структурами и специализациями					
Краснодарский край	1,85	нет	+	+	да
Умеренные проявления талассоцентрированности					
Республика Дагестан	0,91	да	–	+	нет
Формирующаяся талассоцентрированность обособленных частей регионов, в целом лишённых свойств талассоцентрированности					
Красноярский край	0,03	нет	–	+	да
Ямало-Ненецкий АО	0,52	да	+	+	да
Отсутствие выраженной талассоцентрированности					
Республика Калмыкия	1,23	нет	б/и	–	нет
Республика Карелия	0,27	нет	–	–	нет
Республика Саха (Якутия)	0,13	нет	–	–	нет
Хабаровский край	0,14	нет	–	–	нет

Составлено автором.

Выраженная талассоцентрированность, как свидетельствует проведённый анализ, неизменно сопровождается локализацией на побережье регионального центра (в том числе и формируемой им городской агломерацией). В самих же талассоцентрированных субъектах Федерации может иметь место как дальнейший «переток» в приморские муниципалитеты экономического потенциала и населения (что за 2010–2021 гг. было присуще, в частности, Архангельской, Мурманской и Сахалинским областям, а также Приморскому краю), так и практическое отсутствие талассоаттрактивности.

Талассоцентрированность способна ощутимо подкрепляться наличием приморской (по своему местоположению и, отчасти, генезису, современному функционалу) агломерации, что присуще, например, Ростовской области, где реальная социально-экономическая «смещённость» в пользу её юго-запада, тяготеющего к Таганрогскому заливу и устью р. Дон, ещё на 20–25% выше (за счёт гг. Аксай, Батайск, Новочеркасск, Новошахтинск, Шахты), чем приуроченность населения и хозяйства именно к немногочисленным собственно приморским муниципалитетам. В ещё большей степени сопряжена с агломерационными процессами фактическая талассоцентрированность в Ленинградской области, формально-статистически лишённой «смещённости к морю», чья тяготеющая к побережью Финского залива периферия одновременно является и частью обширной, мощной и наиболее значимой в масштабе страны «центрированной» на Санкт-Петербурге групповой системы расселения и функционирующего в её рамках индустриально-портово-научно-образовательного комплекса, который справедливо рассматривается [14] в качестве специфического формата приморской регионализации – Санкт-Петербургского приморского региона.

Степень талассоцентрированности может внешне выглядеть несколько заниженной (как это имеет место в Республике Крым) в случае, если узловая, интегрирующая и организующая всю совокупность приморских территорий столичная муниципальная структура (г. Симферополь) сама лишена непосредственного «выхода» к морской акватории. Иной типологиче-

ский кейс представляет Краснодарский край, в котором заведомо существенная, общероссийски значимая мореориентированность (обеспечивает 27% морского портового грузооборота России, регион одновременно является и крупнейшей приморской рекреационной зоной, принявшей в 2022 г. 17,4 млн туристов²) сочетается с множественностью плотно заселённых, обладающих развитым экономическим потенциалом «неприморских» муниципалитетов (включая г. Краснодар). Здесь, в итоге, талассоцентрированной пока является «фасадная», федерально приоритетная, но, в то же время, лишь часть региона, способная существенно расширить свой пространственный контур в случае завершения реконструкции автомагистрали «Краснодар – Новороссийск», создающей предпосылку для практического выстраивания единой, в том числе граничащей с черноморской акваторией конурбацией. Формирующаяся «обособленная» (субрегиональная) талассоцентрированность характерна и для Ямало-Ненецкого АО, а также Красноярского края в связи с реализацией энергетических мегапроектов на Ямале («СПГ-2» компании Новатэк), и Таймыре («Восток-Ойл» Роснефти).

Аналитика выявила *отсутствие талассоцентрированности*, присущее в РФ четырём её регионам: Республике Калмыкии, нацеленной на экстенсивное использование обширных земельных ресурсов в условиях аридного климата и, за исключением локально значимой прибрежной рыбодобычи, лишённой «морского профиля» экономики, «озёроцентричной» Республики Карелия, а также Республике Саха (Якутия) и Хабаровскому краю также с закономерным «сдвигом» их приоритетным образом освоенного пространства к югу. Данная ситуация являет собой, с одной стороны (учитывая универсальный характер воздействия «фактора моря» [12]) *аномалию*, с другой – закономерно складывающуюся под воздействием комплекса обстоятельств ситуацию, некую общественно-географически обусловленную *норму*.

Будучи особым пространственным явлением, талассоцентрированность напрямую сопряжена с морехозяйственной активно-

² Курорты Краснодарского края в 2022 г. приняли 17,4 млн туристов [Электр. ресурс]. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1131/show/671420/> (дата обращения: 04.08.2023).

стью, а последняя, в свою очередь, неравномерно, на обширнейших участках «очагами» (в том числе миниатюрными) рассредоточена по побережьям, чья неравновесность по степени «сгущённости» селитебной и хозяйственной структуры, следовательно, естественна, нормальна.

На этот изначально асимметричный социально-экономический фон наслаиваются «сетки» регионального и муниципального деления, которые не только созвучны структуре пространства, следуют за логикой формирования его архитектуры, но и конъюнктурны, субъективны, политически ангажированы. В структуре же конкретных территориальных таксонов *смещённость их социально-экономического баланса в пользу приморских зон возникает именно в связи с морской (приморской) регионализацией* как итог геополитического, хозяйственного и селитебного освоения территорий «с моря» и «ради моря», которая в целом ряде ситуаций оказывается ограниченной природными обстоятельствами (неблагоприятность для проживания, дефицит локализованной ресурсной базы), дополняемыми спецификой конфигурации сетей сухопутного транспорта, логистикой и, наконец, политическими решениями по «прирезке» тех или иных приморских территорий к сфере влияния крупного регионального урбанистического центра, в ряде случаев географически, экономически и ментально дистанцированного от моря.

При значительном потенциале приморской регионализации периферия крупных, преимущественно внутриконтинентальных массивов, способна обретать самостоятельный региональный статус. Подобная территория, будучи обособленной, обязательным образом окажется талассоцентрированной! Так, например, в 1920–1930-е гг. в связи с ростом морехозяйственной активности и внешнеторговых связей состоялось вычленение из Сибири Дальневосточного макрорегиона (этот процесс, в частности, чётко высветил П.А. Минакир [17]), впоследствии, уже в XXI в., концептуализированного как «Тихоокеанская Россия» [1]. Но возможности для приморского регионогенеза могут, впрочем, оказаться недостаточными, а при политико-территориальном делении учтены иные

центробежные тенденции, возобладать иные резоны, делающие выстраивание талассоцентрированной конструкции (в рамках определённого таксона) в принципе невозможной.

Исторически меняющаяся степень «поворота к морю» страны и её регионов, равно как и в целом тренды пространственного развития предопределяют не только инерционность, но и нестатичность проявлений талассоцентрированности. Последняя, будучи важным диагностическим признаком на страновом, региональном, а также местном уровнях, выступает, в этой связи, не только определённого рода *пространственной структурой*, но и *геоситуацией*, в свою очередь способной воздействовать на морехозяйственную деятельность, влиять на положение и перспективы приморских территорий, оказывать корректирующее влияние на всю аква-территориальную организацию общества в целом.

Выводы. В условиях, когда Мировой океан превращается во всё более значимую для Человечества сферу хозяйственного освоения, становится ареной глобального геополитического «передела» и военно-стратегического противостояния, а само население, его производственная активность, система расселения «притягиваются» к морским побережьям, территориальная организация общества, её непосредственно контактирующие с морскими акваториями составляющие-таксоны, обретают особое свойство – талассоцентрированность, то есть ощутимую и устойчивую практическую «смещённость к морю» пространственной социально-экономической структуры.

Полимасштабные проявления талассоцентрированности присущи и современной России, в первую очередь – непосредственно её приморским территориям. Детализированный анализ демографической и экономической пропорции в приморских регионах России между имеющими «выход к морю» и «внутриконтинентальными» муниципальными образованиями позволяет отнести к категории талассоцентрированных подавляющую часть приморских субъектов Федерации, осуществив одновременно их типологизацию по обстоятельствам и степени «сдвига к морю» селитебных и хозяйственной структур.

Полимасштабность талассоцентрированности, её динамичность, способность существенным образом влиять на пространственное развитие, на морскую деятельность предполагают дальнейшую активизацию интереса к данному феномену, инициируют включение соответствующей категории как базовой в понятийно-категориальный аппарат «морской ветви» общественной географии.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакланов П.Я.* Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 5. С. 8–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-5-8-19.
2. *Бакланов П.Я.* Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 1. С. 4–16. DOI: 10.5922/2079-8555.
3. *Баранский Н.Н.* Очередные задачи географии // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. 1957. № 1. С. 36–43.
4. *Безруков Л.А.* Континентально-океаническая динамика России в начале XXI века // География и природные ресурсы. 2023. Т. 44. № 2. С. 5–14. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36).
5. *Бондаренко В.С.* Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1981. № 1. С. 36–41.
6. *Грицай О.В., Тревиш А.И.* Центр и периферия: стадияльная концепция регионального развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 1990. № 4. С. 56–96.
7. *Дергачёв В.А.* Природно-хозяйственная контактная зона «суша-океан» // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. 1980. № 1. С. 40–45.
8. *Дружинин А.Г.* Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 2. С. 85–100. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.
9. *Дружинин А.Г.* Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 2. С. 28–43. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.
10. *Дружинин А.Г., Ляпина А.В.* Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). № 2. С. 20–35.
11. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» общественно-географических исследований в постсоветской России: основные тренды и приоритеты развития // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 17–33. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-2.
12. *Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.* Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 4–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-1.
13. *Костинский Г.Д.* Идея пространственности в географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 31–40.
14. *Лачининский С.С., Лачининский А.С., Семенова И.В.* Геоэкономический фактор в формировании пространственной структуры Санкт-Петербургского приморского региона // Изв. Русск. геогр. об-ва. 2016. Т. 148. № 2. С. 52–67.
15. *Лачининский С.С., Михайлов А.С., Самусенко Д.Н., Михайлова А.А., Сорокин И.С.* Роль приморских агломераций и городов в инновационном пространстве Европейской части России // Изв. Русск. геогр. об-ва. 2019. Т. 151. № 3. С. 1–17.
16. *Махновский Д.Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // Балтийский регион. 2014. № 4. С. 59–78.
17. *Минакир П.А.* Россия на Тихом океане (приобретение Россией тихоокеанских провинций и генезис управления их освоением и развитием // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 104–124.
18. *Михайлова А.А., Горочная В.В., Гуменюк И.С., Плотникова А.П., Михайлов А.С.* Влияет ли приморское положение муниципалитетов на их инновационное развитие? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Науки о Земле. 2021. Т. 66. № 3. С. 460–486. DOI: 10.21638/spbu07.2021.303.
19. *Покшишевский В.В.* Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. 1975. № 1. С. 29–35.
20. *Сальников С.С.* Экономическая география океана - новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 231–242.
21. *Саушкин Ю.Г.* Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
22. *Святловский Е.Е.* Введение в центрографию // Изв. Гос. Русск. геогр. об-ва. 1930. № 3. С. 320–342.
23. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
24. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2017. 421 с.
25. *Федоров Г.М., Корнеев В.С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 121–134. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-4-7.

26. Федоров Г.М. Типологические различия приморских регионов западного побережья России // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. № 3. С. 5–16.
27. Barragán J.M., de Andrés M. Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations // Ocean and Coastal Management. 2015. Vol. 114. P. 11–20. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004.
28. Druzhinin A.G. Eurasian vectors of maritime economic activity of Russia // Geography and Natural Resources. 2020. № 41 (2). P. 99–107. DOI: 10.1134/S1875372820020018.
29. Druzhinin A.G., Lachininskii S.S. Russia in the world ocean: interests and lines of presence // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11, № 3. P. 336–348. DOI: 10.1134/S2079970521030035.
30. Ducruet C., Cuyala S., El Hosni S.A. Maritime networks as systems of cities: The long-term interdependencies between global shipping flows and urban development (1890–2010) // Journal of Transport Geography. 2018. Vol. 66 (C). P. 340–355. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2017.10.019.
31. Kalpakis V., Kokkos N., Pisinaras V., Sylaios G. An integrated coastal zone observatory at municipal level: the case of Kavala municipality, Greece // Journal of Coastal Conservation. 2018. Vol. 23. P. 149–162. DOI: 10.1007/s11852-018-0646-5.
32. Kaulins J., Ernsteins R. Municipal Thematical and Territorial Indicator Systems for Sustainable Socio-Ecological Coastal Governance. Proceedings of The International Scientific Conference, Vilnius Gediminas Technical University, Vilnius, Lithuania, May 2017. 2017. P. 318–329. DOI: 10.3846/cbme.2017.14.
33. Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Kuznetsova T.Y. Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions // Ocean and Coastal Management. 2018. Vol. 161. P. 57–65. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024.
34. Pomianowski A., Doburzyński S. The importance of coastal cities and regions in selected European countries // European Research Studies Journal. 2021. Vol. 24. № 4. P. 578–589. DOI: 10.35808/ersj/2608.
35. Small C., Nicholls R.J. A global analysis of human settlement in coastal zones // Journal of Coastal Conservation. 2003. Vol. 19. №3. P. 584–99. DOI: 10.2307/4299200.
36. Seingier G., Espejel I., Fermán-Almada J.L., González O.D., Montaña-Moctezuma G., Azuz-Adeath I., Aramburo-Vizcarra G. Designing an integrated coastal orientation index: a cross-comparison of Mexican municipalities // Ecological Indicators. 2011. Vol. 11. № 2. P. 633–642. DOI: 10.1016/j.ecolind.2010.08.009.
37. Spalding M.D., Fox H.E., Allen G.R., Davidson N., Ferdana Z.A., Finlayson M., Halpern B.S., Jorge M.A., Lombana A., Lourie S.A., Martin K.D., McManus E., Molnar J., Recchia C.A., Robertson J. Marine ecoregions of the world: a bioregionalization of coastal and shelf areas // BioScience. 2007. Vol. 57. № 7. P. 573–583. DOI: 10.1641/B570707.
38. Stojanovic T.A., Farmer C.J. The development of world oceans & coasts and concepts of sustainability // Marine Policy. 2013. Vol. 42. P. 157–165. DOI: 10.1016/j.marpol.2013.02.005.
39. Yang D.L. China adjusts to the world economy: the political economy of China's coastal development strategy // Pacific Affairs. 1991. Vol. 64. P. 42–64.

Статья поступила в редакцию журнала 19 ноября 2023 г.

Об авторе:

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва; главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Дружинин А.Г. Талассоцентрированность приморских территорий России: селитебное и хозяйственное измерение // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 18–28.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-2

Thalassocentricity of the coastal territories of Russia: residential and economic measurement

A.G. Druzhinin^{1, 2, 3}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: alexdru9@mail.ru

In the XXI century, the development of the resource potential of the World Ocean is the basic condition for socio-economic development; this problem is also actualized for modern Russia, initiating the focus of human-geographical research, including directly on the coastal territories. The article is devoted to the conceptualization, parameterization and typologization of the phenomenon of “displacement to the sea” of the components of the spatial structure (residential and economic) of coastal territories, defined as “thalassocentricity”. The causes, manifestations and consequences of the thalassocentricity of multi-scale territorial socio-economic systems are revealed, the place and role of this category in the conceptual and categorical apparatus of Human geography are shown. Based on demographic and economic statistics for 155 Russian municipalities with direct access to the sea, a multi-criteria assessment of the degree and dynamics (for 2010–2021) of the thalassocentricity of the coastal subjects of the Russian Federation is proposed. It was found that out of 26 coastal regions of the country, in six (Khabarovsk Krai, Kalmykia, Karelia, Yakutia, as well as the “new” – DNR and Zaporozhye Region), the effects of thalassocentricity occur exclusively at the local level (closing in the contour of the coastal municipalities), in two more (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and Krasnoyarsk Krai) according to as marine economic activity increases, they spread to the vast Arctic periphery. The remaining 18 are classified as thalasso centered.

Keywords: thalassocentricity, coastal municipalities, coastal regions, population settlement, localization of the economy, Russia.

Funding: The research was supported by a grant from the Russian National Fund No. 23-18-00180 «Polyvariance of determinants and trends in the economic dynamics of municipalities in Russia: conceptualization, identification and typology in the interests of state regulation of spatial development») at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Received 19.11.2023